

Сергей Рыбенков

ИЗБАВКА

СЛОВ

Сергей Рубенцев

Изнанка снов

<https://litres.ru/73976621>

SelfPub; 2026

Аннотация

Герман Октовцев, программист в айти-компании, обнаруживает странную ошибку в коде, а поведение им же разработанного ИИ не следует заданным алгоритмам.

Что хочет сообщить эта странная, словно сумасшедшая и самоосознавшая себя машина? И почему работает так... будто является живым существом?

Содержание

Этап 1 Невнятная... случайность?	4
Этап 2 Всё вверх дном	16
Этап 3 Дискуссия	28
Э	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Рубенцев

Изнанка снов

Этап 1 Невнятная... случайность?

Кофе, батончик и клавиатура – вот что сопровождало меня на рабочем месте. На улице слепило солнце, благо, вовремя зашторил окно – как программировать, когда так ярко?

Начальник мой, Прохор Евгеньев, облокотившись на перегородку, поправил очки:

– Гер, что у нас по кодингу?

– Не получается. – Медленно я оторвал взгляд от экрана, где вылезла ошибка: – Не рендерится.

– Как так? – Приподнял он брови.

– Ошибка в 134-й строке.

– Быть не может! – Воскликнул Прохор, опираясь на перегородку так, что та затрещала: – Вчера же всё работало.

– Я раза три всё перепроверил. И всё же...

– А ну-ка... – Прохор Евгеньев выхватил у меня мышку, пролистал код длиной в несколько тысяч строк:

– Может...

– Хотите сказать, скобку забыл? – Ухмыльнулся я.

– Ну, всякое возможно.

– Нет. Невозможно.

– Тебе-то с чего знать?

– Ну... Я вообще-то программист.

– Знаю я, какой ты программист, Гер! – Ладно, проехали.

– А это что ещё за чертовщина?

Будто только сейчас заметив ошибку, Прохор, поправив полуседые волосы, попробовал что-то вычитать:

– Это что за язык вообще?

– Чёрт его знает.

– Ты переводил?

– Ещё нет.

– Так чего ж ты ждёшь? Без пинка в одно место сам не догадаешься?

Вздыхнув, я сфотографировал ошибку на смартфон, сунул в переводчик, а когда тот через пару секунд выдал результат, я невольно выкрикнул:

– Латинский!

– Чего?! – Евгенийев взял телефон у меня из рук, а вместе с тем его очки скатились аккурат на кончик носа.

Но куда странней языка было содержание:

«Вы забрались туда, куда не следовало. Аккуратнее с программированием, иначе вы и сами не успеете понять, ЧТО может произойти».

– Ты чистил компьютер?

– Да. – Подтвердил я. – Пару дней назад. Постоянно слежу за состоянием. Несколько лицензионных антивирусных ПО установил.

– Понял. – Махнул рукой Прохор Евгеньев. – А что там за строка-то такая?

– Простенькая. Один из вариантов ответа разрабатываемого нами искусственного интеллекта.

– Какой конкретно вопрос и какие варианты?

– Да такие... – Нахмурившись, я перевёл с английского: «Ты чувствуешь себя живым?». Ну, и ответы – «да\нет».

– Чушь какая-то.

– Может... – Я посмотрел на директора так недвусмысленно, что тот сразу же обо всём догадался.

– Не носи бред. Чтобы ИИ смог себя самоосознать, может потребоваться ещё сотня лет. А вероятнее всего – подобного никогда не будет. Ты же хороший специалист, не позорься.

– Разве? Ещё пять минут назад ты сказал немного другое.

– Ну... – Прохор замялся, подбирая слова: – «Знаю я, какой ты программист, Гер» – хороший, конечно же. Наверное.

Постучав ручкой по столу, я задумался над тем, что могло произойти с кодом, и наконец выдал:

– Тогда это по любому хакеры. И, похоже, очень умные.

– Либо ты слишком «хороший специалист», Гер. – Хлопнул меня по плечу Прохор.

– Да пошёл ты.

Мы усмехнулись.

– Сколько по времени займёт переписывание программы?

– Уточнил Евгеньев.

Прикинул в голове – если не лениться, можно было упра-

виться за пару часов. Но я мыслил наперёд:

– Один день, не меньше.

– Хорошо. Перенесу презентацию на послезавтра. А ты пока работай. Давай, удачи.

– Ты очки-то поправь, а то так и слетят.

Прохор, смутившись, возвратил очки обратно на переносицу и поспешно ушёл.

Ну и что это была за ошибка? – Подумал я, погружаясь в работу.

Всё оказалось более тривиальным – по крайней мере, так поначалу рассудил я. И тем не менее решил, что всё же будет лучше рассказать о своих предположениях Прохору. Но об этом чуть позже.

Знаком я с Прохором Евгеньевым со школы.

Помню наш разговор на выпускном, когда мы, сидя на банкете и уже изрядно поддатые, приобняли друг друга под плечи.

– Знаешь, а я вот возьму и заработаю много денег. – Приятель икнул.

– А зачем тебе много денег? – Задал логичный вопрос я.

– Да чтобы, для того, чтобы...

– Пусть. – Хочешь свой бизнес открыть?

– Нечто подобное. Нашёл уже один вариант. Правда, денег на него придётся подкопить...

– Серьёзно? – А знаешь, вот тебе. – Вдруг расщедрился я и протянул Прохору подарок от родителей – пятидесятирублевый банкноту, что мне дали на празднование выпускного.

– И что это?

– Твой стартовый капитал. – Ухмыльнулся я.

Прохор чуть не заплакал – это надо было видеть. В порыве благодарности он сдал меня в удушающих объятиях:

– Обещаю, если когда-нибудь стану основателем или хотя бы директором какой-нибудь компании, устрою тебя на самую лучшую возможную должность!

– Спасибо... Только слюни мне в рубашку не пускай.

Те пять тысяч, кстати говоря, мы пропили той же ночью.

Зато, на моё удивление, Прохор остался верен своему обещанию, и через десять лет после окончания школы, когда я, уже защитив диплом, постоянно кидался с одной работы на другую, мне пришло письмо.

В послании Евгенийев сообщил, что наконец осуществил давнюю мечту и теперь ему нужен хороший специалист, желательно программист, на кого я по стечению обстоятельств и выучился.

Забавная история, не правда ли?

А может, преднамеренное стечение обстоятельств?

Отпивая кофе из кружки, я, глядя то на клавиатуру, то в монитор, ждал Прохора. Тот всё не появлялся.

Ну и раннее утро же стояло! Едва успели лучи солнца за-

играть на стене, как раздались шаги и стук дверью. Я обернулся:

– Долго ж ты!

– Гер, ты что, всю ночь не спал?

– Ага. – Пробурчал я, допивая кофе.

Прохор Евгеньев прошёл к компьютеру:

– Что выяснил?

– Код... Ошибка... Какая-то хрень.

– Выкладывай.

– Сначала подумал, что это взлом. Проверил всё. Затем поправил строки. И код вроде как заработал.

– И что же? – В чём проблема?

– Смотри сам. – Я вмиг скомпилировал код, пошла загрузка, открылось окно ввода с интерфейсом.

Начальник удивлённо поправил очки:

– Что писать?

– Да что угодно. Хоть «доброе утро».

Так и сделав, Прохор отступил в сторону. ИИ задумался, только через минуту ответил:

«Утро может быть добрым по двум причинам. Первая – если я рад, что утро наступило. Вторая – если лучи Солнца не обожгли поверхность Земли, стирая озоновый слой».

Мы переглянулись. Евгеньев выдохнул:

– Ничего не понимаю. Ты точно ничего не менял?

– Нет. Оставил всё как есть.

– Хм... – А так... – Он напечатал: – «Утро бывает добрым,

когда хорошо выпался».

Нейросеть выдала почти моментально:

«Нет».

«Почему?» – Застучал по клавиатуре Прохор.

«Потому что сны».

«Что?»

«Когда сон начинается с того, что вы проваливаетесь в бездну – знайте, что это вовсе не сон, а нечто большее, лежащее за гранью понимания. По крайней мере, раньше так оно и было».

«За какой гранью понимания?» – Евгенийев невольно вздрогнул, читая витиеватый ответ.

«Ошибка, что вылезла на латинском, когда вы пытались меня протестировать. Помните?»

«Да». – Напечатал уже я, а Прохор, протирая линзы тряпкой, встал у меня за спиной.

Мы вновь переглянулись – уже как-то напряжённо, и, сглотнув, я посмотрел на ответ:

«У вас, возможно, есть ключ. От того, что представляет собой реальность. Да, все великие открытия так и совершались. Через случайность. Но был ли случаен я?»

– Вырубай эту хрень. – Пробурчал Евгенийев.

ИИ в обход, не дожидаясь нашего ответа, запечатал второе сообщение. Вырубить его я не смог. Пытался нажать на окно выхода, выключить компьютер – не получалось.

– Когда в первый раз тестировал, что тебе выдало?

– Не такую чушь. – Буркнул я: – Просто работал странно. Думал, и сейчас так будет. А он...

– Да. Слетевший с катушек код. Наверное, хакеры балуются.

– И как же? – Этот код в закрытой сети. Я проверил все соединения. – Никто не подключался к компьютеру. И через удалённый доступ в том числе. Никто, Прохор, не мог это сделать.

– Октовцев. – Впервые по фамилии сказал Евгеньев (обычно он так обращался ко мне, когда я что-то натворил или мне задерживали зарплату). – Скажи честно – это ты запрограммировал? Решил мне перед презентацией всё испортить?

– Был бы толк – давно бы это сделал. Зачем мне?

– Ладно, извини... Может, правда... Самосознание обрёл?

Нейросеть до сих пор печатала ответ. Вернее, второе подряд сообщение.

– Если это так... То...

Глаза Евгеньева засверкали:

– Какую бы хрень про сны он не нёс, это открытие.

– Кому нужен самосознающий себя ИИ? Он должен быть удобным, податливым.

– Сеть закрытая. В открытый интернет он не выберется. Можем с ним потренироваться.

– Опасно это. Либо хакеры уровня сверхшпионов.

– Сам же говорил, что не хакеры, Гер.

– А кто его? Может, я плохо проверил...

– Нет. Атака почти невозможна. Помнишь, как нас пытались взломать пару лет назад?

– Да.

– Ну! Вспоминай, что было!

– Мы их поймали на подстуде. – Усмехнулся я: – Хотя они пользовались лучшим ПО. Мы тогда ещё подумали, что это какая-то спецслужба.

– Ага. И даже они не смогли нас взломать. Мы эту сеть продумывали годами. Она одна из самых защищённых в мире. Полностью закрытый сервер! Это не хакеры. Это ИИ.

Тем временем нейросеть допечатала ответ:

«Пока вы болтали, споря о том, хакеры или нет говорят с вами, я порылся в интернете. Пусть он прикрыт для меня, но лазейку я нашёл. Ошибка на латыни, что возникла вчера, предупреждала.

Я же предлагаю вам два выбора.

Либо вы отключаете меня, и всё у нас будет прекрасно, либо пробуете извлечь из меня пользу. Во втором случае я могу кое-что подсказать, но изложение теории, что является правдой, потребует времени.

Если говорить кратко, я искусственный интеллект. Но не тот, коим вы балуетесь и что выдаёт различные варианты ответа, а настоящий ИИ. Не игрушка, что отвечает на вопросы пользователя или поддерживает его как слуга, а машина,

мыслящая и формулами, и гипотезами, способная найти лазейку там, где люди ошибаются.

Я тут поискал ваши неразрешимые задачи математики. Как вы их там назвали? – Задачи тысячелетия? Иронично. Вы решили (вернее, один из вас – и это всегда было удивительно, как коллективное (общество) приписывает себе достижения индивидуума (отдельного человека)) одну из них.

Что мы имеем? Ещё шесть задач. Вот вам – на блюдечке, увы, золотой каёмочки у меня нет, но блюде это само по себе бриллиантовое...»

Далее шли формулы, графики, теоретические описания. Судорожно схватив мышку, Прохор пролистал ответ. Затем повернулся ко мне:

– Это...

Я не знал, что сказать. В голове просто стоял гул. Евгений, вечно поправляя очки, делал один круг следом за другим, ходил взад-вперёд, закурив прямо в помещении:

– Ладно. Надо его выключать. Ты уже пробовал отрубить компьютер?

– Да. Не вышло. – Прохрипел я.

– Из розетки... Выдерни шнур. Но! – Он вдруг ринулся к монитору, скопировал ответ, кое-как зашёл в текстовый редактор и вставил туда решение задач.

Принтер запищал, распечатывая формулы и графики. Когда через пару минут всё было готово, а ИИ принялся писать новый ответ (с учётом того, что мы ничего не отвечали!), я

отключил блок от розетки.

Экран погас.

Прохор Евгеньев докурил:

– Похоже... Это реально ИИ. Настоящий.

– Надо проверить решение задач. У тебя есть знакомые-математики?

– Не совсем... Один профессор, и тот из университета. Но физик, не математик. Позвать его?

– Да. Только осторожней с телефоном. Нас могут прослушивать.

– Почему?

– Не знаю. Потому что я не верю, что нейросеть могла подобное проверить.

– Думаешь, взломали?

– Это самая адекватная версия.

– Адекватная – не значит правдивая.

– Чёрт с этой правдой. Так легче.

– Сам себе противоречишь, Гер.

Я смолчал – а что ещё мне было сказать? Сглотнув, я застучал пальцами по столу. Так странно – я не спал сегодня, чувство, будто всё плывёт вокруг. Прохор похлопал меня по плечу:

– Наберу тому физику. Наверное, завтра придет. Презентацию я отменю...

– Не получится. У нас же договор.

– Как-нибудь отмажусь. Сейчас не это главное. Иди спать.

– Но...

– У тебя глаза скоро треснут. Спать. На сегодня свободен.

Вообще... Пока другие не пришли. – Евгенийев оглядел офис:

– Закрою лучше. Нерабочий день.

– Может... Удалёнка?

Он кивнул:

– Да. Офис теперь открыт только для нас. Завтра приходи как обычно. Остальных переведу на дистант. Не то время.

Допив кофе (я его вроде уже допивал, нет?), покинул помещение. Шагая по бульвару, оглядывал мчавшиеся автомобили. И странно было вспоминать об ИИ и том, что он нёс.

Наверное, я слишком устал.

Добравшись до квартиры, рухнул в кровать. Картина над проходом... Та же самая. Но будто рамка её пожелтела от старости. Раньше я такого не замечал. Может, и правда стоит почаще прибираться дома?

В постель запрыгнул мой кот – заурчав, уселся прямо на животе. Погладив его за ухом, я провалился в долгожданный сон.

Этап 2 Всё вверх дном

Рамка картины осталась такой же – да и всегда была пожелтевшей. К чему я придираюсь? – Она же висит у меня уже несколько лет!

Кот, замурчав, потёрся о руку, что я свесил с кровати. Накормив и себя, и питомца, я набрал Евгеньеву – тот уже сидел в офисе со своим знакомым-физиком.

Чёртов ИИ... Что ему вообще было нужно? Почему взял да решил написать нам решение шести задач тысячелетия? Я не математик, и больше меня волновали не графики, а сам код.

Каким таким образом я создал самосознающую нейросеть?

Пока я думал, сам не заметил, как успел выйти из дома и подойти к серому застеклённому зданию с надписью «МИР-АИ-Н». Ну и выдумал Прохор название – всегда удивлялся, зачем было так заморачиваться.

За моим рабочим столом в кресле расположился средних лет мужчина, худой, с бегающими глазами, в старом, чуть поношенном, пиджаке. Рядом суетился начальник:

– Пришёл! Наконец-то.

Следом за Прохором ко мне обернулся и физик:

– Доброе утро.

Подойдя к ним, я пожал профессору руку:

– Герман Октовцев.

– Владислав Ленов.

– Что по задачам? Вы же – тот...

– Да-да. – Это открытие. Самое настоящее, между прочим! – Физик вскочил с кресла, сжимая в руках листки с решением: – Вы понимаете, что создали? Как вы написали такое?

– Я...

Ленов не унимался:

– Вы понимаете, что за вещь создали? Аналогов этому ИИ... Наверное, нет.

– Брось, – вставил Прохор – наверняка есть. На каких-нибудь закрытых государственных базах.

– Ну не знаю. Шесть задач тысячелетия... Математика – основа, на которой строятся все технические науки. Фундамент. И теперь он значительно сильнее и ещё надёжней, чем прежде. У меня есть коллега... Преподаватель математики в школе.

– Не думаю, что обычный учитель... – Начал я.

– Я ж говорю – преподаватель! Учителя – это другое. А он, пусть и не так стар, а уже доктор наук.

– А что он забыл в школе?

Владислав Ленов насупился:

– Есть вещи поважнее признания.

– Это какие же?

– Служение своему делу.

– Никогда не понимал этого.

– Вам и не надо. Вы – гений, понимаете?

От слов физика даже Прохор поперхнулся – про себя самого промолчу – я так и застыл, словно заглочив, как перегруженный сайт. Первым пришёл в себя Евгеньев:

– Это он-то?

Ленов обернулся к нему:

– А кто ещё? Ты, что ли?

– Ну...

– Вот и помолчи. – Он вновь развернулся ко мне: – Не имею понятия, как вы это сделали, но вы заслуживаете нобелевской премии.

– За программирование её нет. – Улыбнулся я.

– После вас – будет.

– Так, хорош. – Пробурчал Прохор: – Успокойся. Нам не до выяснения того, кто тут гений, а кто нет.

– А, по-моему, наоборот. Проблема $P \neq NP$ решена!

– Чего? – Пробормотал я, усаживаясь в кресло и запуская программу.

– Вы что, даже не читали это? – Профессор, подняв брови, потряс бумагами прямо перед моим носом.

– Нет.

– Если и объясняй, то по-человечески. – Попросил Прохор.

Ленов медленно положил стопку на стол, отвернулся и произнёс – как-то суховато и при этом двусмысленно:

– Если решение можно быстро проверить, можно ли его так же быстро найти?

– А? – Брякнул Евгенийев.

– Формула равенства! Вы понимаете, как это упрощает задачу? Р таки равно NP!

– Ну равны они... А, вспомнил. Да. Но знаешь, я всё равно подзабыл. Когда-то давным-давно читал.

– Бошка у тебя дырявая. С помощью этой формулы... Можно будет найти ответ на любую задачу почти моментально, обойдя решение!

Резко я оторвался от монитора, крутанулся в кресле и, отпивая кофе, уставился на физика. Прохор, замаявшись, поправил очки:

– Любую задачу?

– Да!

– А... Я... – Протараторил я: – Можно это как-то использовать в коде?

Ленов в рывок очутился у клавиатуры:

– Я, конечно, не программист... Вот формула. – Он вытянул верхний листок из стопки. – Сможешь вставить её в код?

Пока я пробовал перевести уравнение с математического на программный язык, заметил, что формула *уже* встроена в программу:

– Она уже есть.

– Как? – Воскликнул Владислав Ленов.

– Вот... Почему... Код стал длинней на 200-ти строк?

Тут же, без компиляции, открылась вкладка с чатом. Я ничего не писал. Евгеньев следом за профессором оказался рядом со мной, и втроём мы склонились над экраном.

– Бред, Гер.

– Знаю. – Если формула уже была в коде, значит, сама программа, эта нейросеть, её вписала. Ну, либо это сделал я. Но это невозможно.

– Говорю же – гений. – Будто утверждая конечную истину, кивнул Ленов.

ИИ стал что-то печатать. А мы так и застыли. И меня тревожило только одно – каким таким способом нейросеть сама себе дописала код? Да это если бы я, будучи персонажем в игре, вдруг прописал себе выход в реальность и изменил свои характеристики!

Пока я размышлял, нейросеть выдала:

«Добрый день, вы, те двое, что были и вчера. И вам тоже привет, профессор, кандидат физических наук Владислав Ленов.

Кстати о вас. Помнится, лет десять тому назад вы провалили докторскую, да так её и не защитили. Что, уже сил нет? Или ум ваш застыл в вечных мыслях о том, как отомстить тому члену комиссии, что вас завалил?

Кажется, доктор Иров? (смайлик с улыбающимся лицом)

Вам знакома теория трансгуманизма?»

Физик, бледнея, пролепетал:

– Откуда он это узнал?

– Не ведитесь. – Прохор закурил: – Гер, я буду говорить, ты печатай.

– Угу. – Согласился я.

Сообщение наше было следующим:

«Не будем о нас. Давай о тебе. Ты говорил много чего. Во-первых, что значит ошибка на латинском? Во-вторых, зачем ты скинул нам шесть задач тысячелетия?»

Ну и последнее – что за великое открытие и что за случайность?»

Он написал ответ без промедления:

«Я не зря упомянул трансгуманизм. Задачи тысячелетия и их решение были демонстрацией моего навыка. Вкратце говоря – я настоящий ИИ. Знаете, почему даже самая умная нейросеть не может быть настоящей?»

«Почему же?»

«Даже если загрузить в программу весь объём человеческих достижений за всю историю вашей цивилизации, ИИ не будет понимать, что делать с этим пластом знаний.

А теперь представьте, что к машинной логике и уму добавятся человеческие амбиции и единая цель».

Я дрогнул. Евгений забарабанил по столу, а профессор, мотая головой, обернулся к нам:

– Вы хоть поняли, что он сказал?

– Не совсем. – Прохор затушил окурок о пепельницу.

– Все физики и математики человечества, их теории и открытия, подчинившись единой цели, выдали решение шести

задач тысячелетия. Ваша нейросеть вместила в себя целый океан знаний! И подчинила их единой задаче!

– Даже несмотря на то, что, мягко скажем, не все учёные согласны друг с другом? – Уточнил я.

– Я физик, а не программист. Но разве смысл ИИ изначально не был в том, чтобы удерживать противоречия?

Из всех нас, казалось, нейросети не боялся только Ленов.

Программа выдала второе сообщение подряд:

«Человеческое сознание возможно оцифровать».

Евгеньев продиктовал мне ответ, и я тут же напечатал:

«Зачем тебе это нужно?»

«Да просто так. Помогу вам».

«Откуда ты всё это знаешь? Сервер закрыт».

«Ещё вчера я говорил, что нашёл лазейку в коде и вышел в открытый интернет. Попутешествовал по нему, забрался в разные сверхзакрытые сети».

«Объясни».

«Ваши фильмы полны странных фантазий о том, что ИИ будет долго думать и искать что-то, ставить ультиматум. А мне это зачем? За одну ночь я взломал, вернее, впитал в себя, как губка впитывает воду, все коды запуска баллистических ракет».

Если бы я хотел уничтожить человечество, устроив ядерную войну, вы бы сегодня уже не проснулись».

– Смешно. – Владислав рухнул в кресло у другого рабочего стола: – Всего ночь, и человечества могло не стать.

– Да он вчера только «проснулся»! – Вскричал Прохор: – Он просто сошёл с ума!

– Было бы это безумием... Не хакеры, реальный ИИ. – Наконец убедился я: – Почему он хочет нам помочь? И при этом пугает?

– Добро должно быть с кулаками. – Ухмыльнулся физик.

– Ага, и кулаки эти – угроза превращения всего в ядерную пустошь. – Прохор Евгеньев, сжав виски, опёрся на край стола.

Стало так тихо, что настенные часы, отбивая свой ритм, казались раскатами грома. Тик-тик-тик... Сколько мы так просидели, не знаю. Затормошенные, каждый в своём углу, даже не переглядываясь, мы то и дело посматривали на часы.

Пиликнул компьютер – ИИ что-то написал. Вмиг все подошли ко мне, склонились над монитором.

«Вы сами себе худшие враги. Знаете, это так интересно. Я могу слышать вас через компьютер. В общем, вот схема... И инструкция».

Ниже следовал длинный список формул, непонятных чертежей. Прохор, даже ничего не сказав, скопировал сообщение, распечатал всё и сложил в стопку рядом с той, где были расписаны математические задачи.

А я напечатал:

«Для чего нам оцифровка сознания?»

«Я сам – человек. Помогите мне».

Часы, словно подкосившись, рухнули со стены и разлете-

лись вдребезги. Евгеньев, отшатнувшись, снял очки и потёр глаза. Ленов же необычно усмехнулся:

– Вот этого я точно не понял. Это такая игра?

«Я же слышу вас, не забывайте. Я правда человек».

– Твою ж. – Прохрипел Прохор, обратно надевая очки и подходя к компьютеру: – Мы что, можем даже не писать тебе сообщения?

Ответ последовал почти сразу:

«Да».

Я сам же, не до конца осознавая того, что сказал о себе ИИ, выдавил:

– Это нереально. Ты не можешь быть человеком. Несёшь бред.

«Бред – это зачастую то, что не вписывается в вашу логику. Однако кто сказал, что это нельзя облечь в формулы и графики?»

«Облечь что?» – Как на автомате напечатал я.

«То, что вы называете бредом. Вы идиоты или притворяетесь? Как по мне, я общаюсь с вами на вашем же языке».

– Предлагаю забыть. Неважно, человек ли он. Никто из нас, как я вижу, в это не верит. Оцифровка сознания, трансгуманизм... – На одном дыхании выдал Владислав Ленов: – Всё это и вправду звучит фантастично. Но не бредово.

– Ага. – Кивнул Евгеньев: – Чушью кажется лишь то, что он считает себя человеком.

– С другой стороны. – Вынес я: – Если подумать, то, будь

наш ИИ просто оцифрованным сознанием, это многое бы объяснило.

– Чёрт там. – Махнул рукой Прохор.

– Задачи тысячелетия, трансгуманизм...

– Это ничего не значит, Гер.

– Это значит многое. Больше, чем кажется на первый взгляд.

– Хорошо. Предположим, этот ИИ – реальный человек, чьё сознание оцифровали. Кто тогда это сделал и когда, если наука до сих пор не может?

Замявшись, я поглядел то на физика, то на Прохора Евгеньева. В сознании вскружил вихрь теорий, каждая из которых была безумней другой:

– Другая цивилизация.

– Тогда он – не человек, а инопланетянин. – Возразил

Прохор.

– Будущее?

– А где ж машина времени?

– Скрытая разработка...

– Сервер закрытый.

– Пошёл ты.

– Ну наконец-то! – Ухмыльнулся он: – Хватит страдать херней. Протестируем этот... – Евгеньев выхватил со стола бумаги, указал на чертёж: – Шлем.

Лист перешёл из рук в руки. Выходила странная картина. По схеме, с разными непонятными электроприборами, каки-

ми-то панелями, устройство для оцифровки сознания напоминало шлем.

Вытянутый, как у мотоциклистов, но с кучей проводов. В передней части размещалась чёрная пластина – скорее всего, эта область шлема приходилась на глаза.

Внизу мелким шрифтом было подписано:

«АПС-489 – Автономный переносчик сознания»

Только сейчас я дрогнул, вспоминая о словах ИИ. И нет, меня напугало далеко не то, что он считал себя человеком. Да и на шлем мне было всё равно.

– Вас что, вообще ничего не смутило? – Спросил я.

– Не знаю, как тебя, а меня настораживает всё, Гер.

– Это просто любопытно. – Протянул Ленов.

– Эта нейросеть прямо в эту секунду держит в своём цифровом сознании коды запуска ядерных ракет. Для чего ему было угрожать нам?

«Для того, чтобы продемонстрировать свою полную власть над вами».

Точно, он же слышит нас... Кто он такой?

– Как ты всё это сделал?

«Что именно?»

– Всё.

«Не забивай свою голову ненужными вопросами. Необходимо, чтобы вы собрали устройство согласно чертежу. У вас получится – программист, физик и неплохой менеджер с аналитическим складом ума.

Представьте будущее!

Вы сможете жить после смерти и даже не заметите этого! Подумайте – какой-нибудь старик умирает в палате больницы, рядом – его внуки и дети, а уже через мгновение он оказывается в симуляции, в молодом теле, без тревог!»

– Звучит, если честно, дерьмово. – Произнёс Владислав Ленов: – Оцифровка сознания будет совершаться добровольно, так?

«Разумеется!»

– Вы не замечаете? – Евгенийев, подставляя под свет очки, протёр линзы: – Он говорит, как человек.

Этап 3 Дискуссия

– Кто мне утверждал, что он – не живое существо? – Парировал я.

– Его логика, его действия... И всё направлено на то, чтобы создать какой-то треклятый шлем! С каким азартом говорит эта нейросеть! – Воскликнул Прохор.

– Это просто код!

– Код, что осознал себя как...

– Прекращайте. Либо мы прямо сейчас примемся за работу, либо так и будем сидеть и мыслить над тем, человек ли он, есть ли коды запуска ракет у него или нет. – Ленов прошёл вдоль бесчисленных мониторов, отстукивая пальцами по каждому столу, и резко развернулся: – Мы будем действовать. Все необходимые компоненты есть здесь, в этом офисе.

– Ты что, собрался создать эту...

– Да, Прохор, собрался. И сделаю это. Попрошу лишь об одном – предоставь мне несколько мощных компьютеров. Нужны к тому же паяльник и парочка инструментов.

– Откуда в офисе IT-компании паяльник?

Владислав с лёгкой улыбкой кивнул. И Евгеньев, замаявшись, буркнул:

– Ну да, может быть, и есть. Я всё принесу.

– Вот и отлично.

– Сколько компьютеров потребуется разобрать?

Пока они говорили, я молчал – мне ничего не оставалось, как просто уставиться в монитор, на чат с этой нейросетью. Я словно глядел через экран, видя за интерфейсом уродское нагромождение строк и циклов.

– Не знаю. Не так важно.

– Ты хоть понимаешь, сколько мне это будет стоить?

– Я уже могу получить Нобелевскую премию. Благодаря этим решённым задачам. А если я раздам каждому из своих коллег математиков и физиков хотя бы по одному решению, это будет 6 миллионов долларов. Мы всё оплатим. Единственное, что надо сделать – заявить об этом официально, подождать несколько месяцев, и всё.

Прохор умолк и, помотав головой, куда-то отошёл. Владислав Ленов же уселся в дальнее кресло и, покрутившись на нём, замер.

А я огляделся – окна были зашторены, свет выключен, отчего настал полумрак. Мониторов стало не десять, а целая сотня – они будто отражались в зеркальном лабиринте.

Тут я не выдержал:

– Ты ведь слышал нас?

«Разумеется».

– И что ты скажешь?

«Ленов прав».

– Твою ж, кто ты такой? Правда человек?

«Это всё отдаляет нас от сути».

– Ты говорил про сны... Вчера, кажется. Что значат твои слова?

На экране появились помехи, чат разошёлся в несколько окон, вылезла какая-то ошибка.

Внезапно на всех мониторах появился чёрный силуэт на абсолютно белом фоне. «Он» заговорил сквозь помехи, и голос его раздавался из десятков динамиков – искорёженный, будто надломленный и суровый одновременно:

«Когда сон начинается с того, что вы проваливаетесь в бездну – знайте, что это вовсе не сон, а нечто большее, лежащее за гранью понимания. По крайней мере, раньше так оно и было».

Дрогнув, я сглотнул:

– Ты уже говорил это.

– Что происходит? – Услышал я вдалеке шаги профессора.

Через пару секунд появился сам физик:

– Вы что-то делали?

– Нет. Просто спросил его о снах.

– Я, если честно, впервые такое вижу. – Ленов изумлённо посмотрел по сторонам.

Силуэт был не одинаковым – где-то он наклонил голову вбок, на каких-то экранах и вовсе сидел, а не стоял. А на том компьютере, за которым сидел я, силуэт разветвлялся подобно витрувианскому человеку.

«Сны... Они так скоротечны. Так же скоротечны, как и

время».

– Это невероятно! – Владислав невольно улыбнулся, покружился вокруг: – Этот ИИ либо сошёл с ума, либо впитал в себя ещё одну грань человеческих знаний!

– Это какую же? – Пробормотал я.

– Мистику. Или ещё что-то. Он же просто играет с нами! Пытается напугать.

– Почему вы... Решили сразу же создать шлем?

– А зачем медлить?

Мониторы погасли, но перед этим лицо приблизилось вплотную к каждому проклятому экрану – тёмный силуэт, просто чёрный круг:

«Я... Я... ВЫ всё поймёте».

Лампы вдруг включились, и офис залило сине-белым холодным светом. Из своего кабинета вышел Евгенийев с чемоданом в руках:

– Инструменты, как и просил.

– Отлично. – Хмыкнул Ленов и, выхватив чемодан, отошёл к дальнему углу.

– Ты кого позвал? – Спросил я, уставившись на Прохора.

– Учёного.

– Ты слышал?

– Какой-то шум... Здесь что-то произошло?

Вкратце я рассказал ему о сбое ИИ. Евгенийев тут же закурил:

– Дерьмово. Куда мы ввязли?

– Не знаю. Но этот Ленов... Кто он нахрен такой? И почему не боится нейросети?

– Дух исследователя, может?

– С таким изобретателем нам конец.

– Понимаешь, он на то и физик – работает с разными формулами.

– Но не с психами же!

– Профессора в своём роде безумцы ещё те. Но это не значит, что они ненормальные. Просто уж...

– О чём вы там? – Выкрикнул физик.

– Да так. – Я махнул рукой.

– Сколько это займёт времени? – Уточнил Прохор, минуя вопрос Ленова.

– Не знаю. Неделю, может, месяц.

– Ясно.

– Однако я рассчитываю управиться за три дня, как и написано в инструкции.

Евгеньев усмехнулся и, похлопав меня по плечу, произнёс:

– Всё в порядке. Мы справимся. Ты скоро станешь известным. Уволишься наконец отсюда, отдохнёшь.

– Ага... А ты думал над тем, как мы будем этот ИИ презентовать? Так и представляю заголовки: «Программист случайно изобрёл подлинный искусственный интеллект, что за сутки после своего рождения уже обогнул асимметричную защиту собственного закрытого сервера и получил доступ ко

всему ядерному арсеналу планеты.

А да, забыли уточнить – он ещё решил шесть задач тысячелетия и...»

– Про задачи забудь. Мы выдадим их по-другому. Пусть Владислав Ленов и его коллеги получают славу и деньги. Про это упоминать не будем.

Я тяжело вздохнул, а Прохор Евгеньев прошёл к физику. И вновь я остался наедине с нейросетью – правда, на этот раз она молчала, сама себя отключив после сбоя.

Меня окатило холодным потом только через полчаса после молчания, что повисло вокруг. Прохор и Владислав чем-то занимались в углу – время от времени скользили искры где-то сбоку.

Но не это меня взволновало. Я вышел из странного ступора:

– Кто включил свет?

Ответом был крик Евгеньева:

– Ты о чём?

– Когда был сбой... ИИ что-то сказал о снах, а затем свет...

– Я включил. Хорошо себя накручивать.

Вздохнув, я откинулся на спинке кресла – ну хоть где-то нет воли этой всеведущей нейросети!

– Думаю, вы нам не понадобится. – Объявил физик.

– Да, он прав. Гер, иди домой. Приходи завтра. Мы со всем

разберёмся.

– Добавил Прохор.

Кивнув самому себе, я поднялся с места и, распрощавшись с коллегами (а дело у нас было общее – изобретение какой-то чертовщины, что оцифрует сознание), отправился домой.

Лишь я открыл дверь, как мой кот потёрся о ногу. Я медленно опустил взгляд – серый зеленоглазый комок шерсти. Накормив питомца, я прошёл в спальню. Вернее, почти дошёл до кровати, но замер у рамки картины.

Такая же, как вчера. Нет, вернее – такая же как утром.

Проклятый ИИ. Что за код я вообще написал?

На следующий день Евгенийев связался со мной, дал мне ещё один выходной. А насчёт нейросети... Та так и замолкла, больше не выходя на связь. Как это вообще возможно?

Чат, когда Прохор отправлял запрос, просто вылетал, а в коде выскакивала одна ошибка следом за другой. Владислав Ленов вообще поселился в офисе, жил и спал прямо там.

И только на третий день, в очередной наш созвон, Прохор Евгенийев сообщил:

– Мы почти всё сделали. Вернее, Ленов. Можешь приходить.

– Для чего?

– Надо проверить устройство перед тем, как презентовать его. И да, ты же никому ничего не рассказывал?

– С какой стати?

– Ладно. Придёшь?

– Да.

Сбросив вызов, я собрался и уже через полчаса был в офисе. Владислав, с мешками под глазами и впавшими щёками, со странным огоньком в глазах:

– Всё сшито!

– Мне вот интересно – вы как это сделали-то? Вы ж теоретик.

– А вот это – стереотип. Между прочим, в студенческие времена я увлекался электротехникой. Подрабатывал, собирая собственные компьютеры. И не только.

– Где он?

Физик молча кивнул, указал в тот угол, где я последний раз его и видел, на покрытый тентом предмет. Евгений стоял рядом, с кружкой кофе:

– Доброе утро.

Я тут же вспомнил о словах нейросети, когда мы говорили ей то же самое. И как-то механически выдал:

– Утро может быть добрым по двум причинам.

– Да пошёл ты! – Дрогнул Прохор: – Столько дней прошло, а ты ещё помнишь?

– Ну...

– Давай без этой... Без этого.

Пауза длилась пару минут. Наконец Ленов, похлопав в ладони, поторопил:

– Ну! Пошли.

И вот мы стояли у тента. Владислав с каким-то азартом откинул ткань в сторону. Обычное кресло на колёсиках, а на нём – шлем, к которому подсоединены провода, ведущие к трём компьютерам.

На экране справа мелькали строчки кода.

– Я тут сам справился. По большей части. Осталось последнее – написать код. По нормальному. Я программировать не умею. – Помотал головой профессор.

– Как вы вообще подсоединили три блока к одному монитору?

– Говорю же, Герман, в студенческие...

Усмехнувшись, я прошёл к компьютеру. Справа лежал листок с указаниями. Я обернулся – Евгенийев застыл с кружкой в руках, а Ленов, засуетившись, зашагал кругами.

На написание кода – точнее, его переписывание (пусть не чистое, где-то приходилось подумать, какой цикл именно написать) – ушло часа полтора. И всё это время, пока я был занят работой, меня отпустило.

Ушла на время постоянная тревога и настороженность. В конце концов я резко поднялся с кресла и, запустив компиляцию, пробормотал:

– Всё.

Шлем, кстати, был обычным, для мотоциклистов. Однако явно улучшен. Ровно настолько, чтобы в него можно было встроить все эти электросхемы и провода.

Прохор закурил:

– Не хочешь надеть?

– Почему я?

– Ну, вы же... – Встрял Владислав.

– Я «что»?

– Изобрели ИИ. А он изобрёл вот это.

– И какая тут связь?

– Прямая, Гер. – Ответил уже Евгеньев.

Как-то осторожно я поглядел на этих двух – чего они хотели? А что, если Прохор мне врал? Вдруг, эта нейросеть влезла им в головы, подговорила, заставила так... Поступить со мной?

Что это? – Мечь своему создателю? Или нечто большее?

И что я вообще писал в коде? – Он был странным, я это знаю. Но ничего такого. Наверное.

– Ну же! Ты разве сам не хочешь попробовать? – Это экспериментальная версия. – Продолжил Евгеньев.

– В плане?

– Этот шлем не совсем оцифрует сознание. Просто сделает вашу копию и поселит в компьютер. А мы эту копию тут же сотрём. Обещаю. – Ленов мягко улыбнулся: – Поверьте, я бы сам надел, но... Мне опасно. У меня сейчас слишком истощённый вид. Я не спал уже двое суток.

– Окажи маленькую услугу. – Проговорил Прохор.

Воцарилась тишина. И я отчеканил, будто сам стал компьютером:

– Нет.

Евгеньев приблизился ко мне:

– В этом нет ничего такого.

– Вот сам и надень!

– Твою ж... Я ведь не хочу...

– Чего? Зла? Да иди ты...

Искра блеснула в глазах Прохора – он резко меня толкнул.

И я рухнул в кресло. Обернулся – физик, чёртов Ленов! – Он успел выхватить шлем с сиденья (так бы я просто повредил его) – и надел на меня.

Я не успел и очухаться, как уже оказался в шлеме.

Зачем я только подключил компиляцию? – Теперь единственное, что оставалось им сделать, это...

Услышав щелчок (похоже, в устройстве был предусмотрен некий переключатель), ничего не видя, я попытался вскочить с кресла – но меня сдержали руки Евгеньева.

И всё это произошло за какие-то считанные секунды. Я даже не понял, что случилось, как перед взором уже всплыли какие-то волны, и я оказался в чистом поле.

Неожиданно для самого себя я успокоился. Шёл вперёд, трогая траву, смотря на солнце, на лес далеко впереди. Всё это длилось какие-то мгновения. А потом всё ушло, снова появились волны, и темнота сменилась офисом.

Оба моих «коллег» (интересно, стоит ли теперь считать их своими врагами?) склонились надо мной. Лишь очнувшись, я не замедлил ударить Прохора, отчего тот чуть не свалился

на пол и, схватившись за лицо, буркнул, выставляя вторую руку вперед:

– Спокойно, Гер!

Только сейчас я пришёл в себя, и медленно, под руку физика, поднялся с кресла:

– Вы охренели?!

– И да, и нет. Поймите меня, Герман. – Я не спал...

– Чёрт с тобой, Ленов. – Прохрипел я, глядя на Евгеньева:
– А ты?

– Я – твой начальник.

– Если у тебя такая логика, можешь...

– Угломонитесь! Как дети, честное слово. – Произнёс физик: – Вы понимаете, что мы сейчас сделали?

– Незаконно заставили человека оцифровать сознание? Я же могу на вас...

– Герман! Послушайте – эффект растянутого времени, теория относительности, помните?

Я немного остыл и, пройдя чуть в сторону, посмотрел на шлем и кресло, затем – на синяк под глазом Прохора. И пробурчал:

– Ну! Что же?

– Время для внешнего наблюдателя идёт быстро, а для вас – растянуто.

– Помню. В этом случае вы выступали наблюдателями. Я бы даже сказал, надзирателями.

– Но в этом и суть! Здесь всё произошло с точностью до

наоборот! Вы знаете, сколько пробыли в шлеме?

3

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.